

**ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ (ДОКЛАДЫ №№ 521-546)**

521-е заседание. 28 марта 2001 г.

А. С. Демин

**«Железные папорзи» и архаизирующее повествование
в «Слове о полку Игореве»**

В «Слове» есть темное место в обращении к князьям: «А ты, буи Романе и Мстиславле!.. Суть бо у ваю железный папорзи подь шело-мы латинскими. Теми тресну земля»¹. К непонятному слову «папорзи» подыскиваются две основные параллели — «повороза» и «паперси»². Первой рассмотрим параллель из летописной повести под 1216 г. о битве новгородцев с суздальцами на реке Липице; в тексте повести по Новгородской Карамзинской летописи сообщается, в частности, такая деталь о князе Мстиславе Удалом: «бе бо у него топоръ с *поворозою* на руце, и сечаше темь»³. Чем можно доказать, что это параллель? Прежде всего слова «папорзи» и «повороза» кажутся близкими по созвучию, тем более что в Московско-Академической летописи, содержащей тот же текст о Липицкой битве, занимающее нас слово написано еще ближе орфографически: «бе бо у него топоръ с *паворозою* на руце»⁴.

О связи «паворозы» именно с «папорзи» свидетельствуют также неоднократные, но до сих пор не отмеченные случаи фразеологического сходства повести о Липицкой битве со «Словом о полку Игореве», причем большинство параллелей встречается в том самом отрывке повести, где упомянуты «паворозы». Перечислим их по ходу отрывка.

1. Повесть: «А забудем, *братье*, дома, жены и дети» (с. 122); «Слово»: «дорога, *братие*, забыв чти, и живота, и... отня злата стола, и своя милыя хоти... » (с. 48), — совпадают слова «забыти» и «братие», переключаются синонимичные слова «дома» и «живот», «жены» и «хоть», а возможно, также «честь» и «отний стол».

2. Повесть: «а коли любо *умирати*»; «Слово»: «*хоцю главу свою приложити*» (с. 44), — тут, правда, лишь смысловое сходство выражений «любо умирати» и «*хоцю главу приложити*».

3. Повесть: «ссед с *коней*... *боси поскочиша*... полезше же с *конь*,

также поидоша боси, завиваючи ноги»; «Слово»: «поскочи горнастаемъ... въврѣжесе на брѣзь комонь и скочи с него босымъ влькомъ... избивая гуси и лебеди» (с. 55), — совпадают слова «поскочити» и «босый» (а «босость» — очень редкий мотив); переключаются по смыслу «ссести с коней» и «скочити с коня»; наконец, созвучны слова «завивати» и «избивати» (в повести первоначально, вероятно, было более разное: «боси забиваючи ноги», а не искаженное «завиваючи»).

4. Повесть: «побежени же бывше полкы силнии»; «Слово»: «бьшеть притрепаль своими сильными плъкы» (с. 50), — совпадает словосочетание «сильные полки», синонимичны слова «победити» и «притрепати».

5. Повесть: «се бо слава ею и хвала погыбе»; «Слово»: «усобица княземъ на поганья погыбе» (с. 49), — совпадает слово «погыбе» в приложении к абстрактным понятиям.

Возможные переключки со «Словом» встречаются и перед рассматриваемым отрывком из повести.

1. Повесть: «Одинъ есмы брат съ Ярославом» (с. 116); «Слово»: «одинъ братъ, одинъ светъ светлыи — ты, Игорю» (с. 46).

2. Повесть: «стояша за щиты всю ночь, кликоша бо въ всех полцех» (с. 120); «Слово»: «Дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты» (с. 47).

3. Повесть: «и бишась ти день и до вечера» (с. 120); «Слово»: «бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию...» (с. 49).

Какой же конкретное была связь повести со «Словом»? Выясняется, что фразеологическое сходство со «Словом» отсутствовало в самой ранней версии повести в Новгородской первой летописи обоих изводов, а появилось оно только в более поздней версии повести, восходящей к летописному своду 1448 г. и дошедшей в нескольких летописях XV в.⁵, среди которых текст повести в Новгородской Хронографической летописи конца XV в. в результате симптоматичной описки вдруг ни к селу ни к городу упоминает половцев⁶. Таким образом, не ранее середины XV в. на повесть как-то повлияло «Слово», но не обязательно само «Слово», а, возможно, исчезнувшая его переработка, предшествовавшая «Задонщине», могла повлиять на текст повести в середине XV в. Но вывод о параллели «папорзи — повороза» ясен: как бы то ни было, слово «повороза» в повести оказывается действительно так или иначе связанным со словом «папорзи» в «Слове о полку Игореве», что дополнительно оправдывает исправление искаженного «папорзи» на правильное «поворози», предложенное Д. Дубенским, а затем Ю.М. Лотманом на основании палеографических соображений⁷.

Теперь можно осмыслить слово «папорзи — паворзи». Судя по параллели из летописной повести о Липицкой битве, «паворза» означала нечто вроде ленты или ремня: с ремнем — поворозою на руке был топор у князя во время сечи⁸. Значит, некие ремни означали «папорзи — паворзи» в «Слове о полку Игореве», только смысл словосочетания был уже переносный — имелись в виду ремни особого рода или не

совсем и даже вовсе не ремни: «железные папорзи», т. е. железные полоски или ободки, опоясывающие ряды железных нагрудников у воинов, когда цельной кирасы еще не изготовляли. Раз «папорзьями» означает совсем другой предмет — нагрудники, то, значит, перед нами не изобразительная метафора, не символ, а иносказание, обозначение одного предмета через другой предмет, т. е. метонимия.

Такое толкование данного словосочетания наводит на предположение об одной из повествовательных особенностей «Слова», в котором сочетание необычного эпитета с существительным нередко являлось иносказанием: «опуташа въ путины железны» (с. 50) — железные путины — это не обычные пути, которыми опутывают, а что-то, напоминающее цепи или гибкую проволоку⁹; «на Немизе... молотятъ чепи харалужными» (с. 54), — ясно, что харалужные цепи — это в данном случае не цепи, а мечи, которыми «веють душу отъ тела»; «зелену паполому постла» (с. 48) — имеется в виду не паполлома — покрывало, а трава в роли савана; и т. д. — можно умножить примеры предметных иносказаний в «Слове».

Перейдем к рассмотрению второй параллели к «папорзьям», которая добавлена В.Н. Перетцем из «Хроники» Георгия Амартола, где в одном из рассказов говорится, как византийский цесарь заботился о сохранности «предивнаго и единокаменнаго столпа... на красоту же ему и на лепоту медяны обручи прекова и мнози *поперсьци*»¹⁰. Параллель здесь та, что «папорзи» и «поперсьци» являются словами хотя и разными, но созвучными; тоже и сходными по смыслу, ведь «папорзи», «поворозы» и «поперсьци» означали примерно одно и то же: ремни или пояса, очевидно, нагрудные металлические¹¹. Недаром вслед за Ф.И. Буслаевым В.Н. Перетц склонялся к поправке «паперси» вместо испорченного «папорзи», со значением «латы»¹².

Вторая параллель позволяет высказать еще одно предположение о литературной манере автора «Слова о полку Игореве». Кажется, не так уж и важно, какие именно из созвучных слов первоначально стояли в тексте памятника, потому что не терминологическое, а усиительное переносное значение всей фразы было здесь самым важным: «Суть бо у ваю железны папорзи (поворозы, поперси) подъ шеломы латинскими» — означало сплошную закованность головы и тела воинов (а возможно, и коней) в железо. Этот-то мотив окованности воинов металлом и повторялся в данном месте «Слова» как, несомненно, важный: тут же упоминаются Ярослав Осмомысл на «златокованнемъ» престоле со «своими железными плъки» (с. 52); у других князей «храбрая сердца в жестоцеъмъ харалузе скована» (с. 51), иных — «опуташа въ путины железны» (с. 50); половцы тоже предстают в виде «железныхъ великихъ плъковъ» (с. 50).

Семантическая особенность «Слова о полку Игореве», наблюдаемая в данном случае, по-видимому, была вот какой: во фразы и выражения автор регулярно вкладывал настолько расширительный, переносный, иносказательный смысл, что в пределах такого смысла становилось

возможным менять конкретные слова внутри фразы по созвучию, по родственности значений или как-либо еще, чем и занимались позднейшие переписчики, а затем и исследователи «Слова».

Кроме «паворозей-паперсей-папорзей» приведем еще примеры словесной толерантности «Слова о полку Игореве». Так, оказывается допустимым, чтобы ошибки писцов и научные реконструкции взаимно соприисутствовали и чтобы звучала двояко, например, фраза: то ли «что ми шумить, что ми звенить *давечя*», то ли «что ми шумить, что ми звенить *далече*» (с. 48), — все равно выражается ощущение отдаленности автора от описываемых событий. Так же двояко может звучать, например, обращение к ветру: то ли «бъшеть горъ подь облакы веяти», то ли «бъшеть *горé* подь облакы веяти», — все равно где-то далеко вверху. Еще пример двоякости звучания: то ли «меча *времены* чрезь облакы», то ли «меча *бремены* чрезь облакы» (с. 52), — и в том, и в другом случае передается представление о чем-то затруднительном для метания, но с силой метаемом¹³. Таково семантическое коварство «Слова» — плата за широкую иносказательность.

В заключение обратимся к контексту фразы с «папорзьями». «Папорзи-паворозы-паперсци», вместе с латинскими шеломами обозначавшие тяжкую железную амуницию воинов¹⁴, вполне естественно связывались с непосредственным продолжением повествования в этом месте «Слова»: «Теми тресну земля» (с. 52), т. е. от тяжелого вооружения треск и гром шел по всей земле¹⁵. Подобные земельно-звуковые мотивы, притом неприятные, типичны для «Слова»: «*гримлють сабли... трещать* копиа харалужныя... среди земли Половецкыи» (с. 48); «быти *грому* великому... земля тутнетъ... половци идуть» (с. 47); «половци неготовами *дорогами* побегоша... *кычатъ* телегы» (с. 46); «*кликну, стукну* земля... вежи ся *половецкии* подвизашася» (с. 55).

Отсюда делаем еще один предположительный вывод о литературной манере «Слова о полку Игореве»: связь иносказаний, переносных, трудно уловимых ныне переосмыслений была ведущей в ходе повествования этого памятника; причудливые семантические связи в логике повествования «Слова» еще требуют прояснения. Вот на какие предположения об иносказательной литературной манере автора «Слова о полку Игореве» наводят две параллели к слову «папорзи».

Но можно сделать еще более широкий и, кажется, неожиданный вывод об ориентации автора «Слова» на старинное повествование XI в., но не на современное ему повествование XII в. И действительно, нет аналогий светскому иносказательному изложению, характерному для «Слова», среди произведений XII в., а вот в XI в. по крайней мере одна аналогия есть, и какая — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенная с греческого на Руси в середине XI в.¹⁶ Именно в «Истории» Флавия и именно в речах героев, сконструированных древнерусским переводчиком сочинения, встречается экспрессивная метонимия, причем наиболее часто в первых трех книгах «Истории», насыщенных

фольклорно-легендарным материалом в отличие от последующих книг, составленных очевидцем событий¹⁷.

Ограничимся примерами, структурно близкими «железным папор-зам» «Слова о полку Игореве», — метонимическими сочетаниями существительных с прилагательными в «Истории» Иосифа Флавия: «въ единъ путь смъртныи ведошася» (путь смертный — казнь); «повемъ язычскую злобу» (языческая злоба — заговор с целью убийства); «душа наша темну храмину оставивши» (темна храмина — тело); «потят будеши серпом небесным» (серп небесный — смерть); «отъятися от римских рук» (римские руки — власть Рима); «иссухають съльнцемъ жатвенным» (солнце жатвенное — зной); «укрепи мышци иудейскы» (мышцы иудейские — войска Иудеи); «не терпящи буря конное» (буря конная — натиск конницы); и пр.¹⁸

Подобную иносказательную манеру старых экспрессивных речей, по-видимому, взял за образец автор «Слова о полку Игореве», но пользовался «старыми словесы» гораздо гуще и старательнее своих прдшественников.

Архаизирующая повествовательная ориентация автора «Слова» подтверждается и другими схождениями с «Историей» Иосифа Флавия. Так, именно в сочинении Флавия присутствовали древние мотивы скованности войска металлом («окованы быша железомъ»¹⁹) и громыхающего треска оземь от тяжести вооружения («падеся ниць с великим громом, запен си о камень с тяжкымъ оружиемъ»²⁰). Иносказания в «Истории» Флавия также допускали замену слов без ущерба для смысла метонимии (ср.: «потят будеши серпом небесным», а в другом списке: «пожат будеши серпом небесным»²¹). Наконец, немало конкретных фразеологизмов «Истории Иудейской войны» использовано в «Слове о полку Игореве»²².

Предположение об архаизирующей повествовательной манере автора «Слова о полку Игореве», конечно, надо проверять на многих параллелях с памятниками. Однако показательно, что исследователи уже высказывали мысль об архаичности языка и архаичности идей «Слова» для XII в.²³ Так автор «Слова» героизировал свой рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, О.В.Творогов. Л., 1967. С. 52. Далее страницы указываются в скобках. Орфография текста передается с упрощениями.

² Петец В. Слово о полку Игоревім: Пам'ятка феодальної України Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар. У Київі, 1926. С. 280; Адрианова-Петец В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 150—151; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4. С. 53—54; Бобров А.Г. Папороз // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 11—13.

³ ПЛДР. М., 1981. Т. 3 / Текст памятника по «Новгородской Карамзинской летописи» подгот. Я.С.Лурье. С. 122. Далее страницы указываются в скоб-

ках. Орфография древнерусских текстов здесь и далее передается с упрощениями.

- ⁴ Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Изд. подгот. А.Ф. Бычков. СПб., 1897. С. 472.
- ⁵ О версиях повести, как называет их исследователь, см.: Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 96-115.
- ⁶ Там же. С. 103. Вместо «нынешние полцы» появились «нынешние половце» — еще один отзвук «Слова о полку Игореве».
- ⁷ Лотман Ю.М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 34-40.
- ⁸ См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. Стб. 856—857. Ср. также в «Киевской летописи» под 1147 г.: «ужемъ за ноги уворозиша», т.е. обмотали (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов. Стб. 352). В книжных описях упоминается «евангелие с поворозами», т. е. с лентами или ремешками. Благодарю И.А. Комарова за это указание и за консультацию по древнерусскому воинскому наряду. Библейские параллели слову нашел С. В. Дёгтев.
- ⁹ Ср.: Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 130—132.
- ¹⁰ Истрин В.М. Книги временъныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр. 1920. Т. 1: Текст. С. 339.
- ¹¹ В греческом тексте «Хроники» здесь употреблено слово «*λωροί*», заимствованное из латинского *lorum* — ремень. В более позднем переводе «Хроники» в XIV в. это слово переведено как «поясы». Благодарю за консультацию В.А. Матвеевко и Л.И. Щеголеву, в переводе которых это место звучит еще и так: «для красоты и великолепия он оковал (его) медными обручами и множеством опоясок» (Матвеевко В.А., Щеголева Л.И. Временник Георгия монаха (Хроника Георгия Амартола): Русский текст, комментарий, указатель. М., 2000. С. 271).
- ¹² Перетц В. Указ. соч. С. 280. Правда, один из исследователей настаивает, что «паперси, поперсьци» означали часть конского убора, ремень на нижней части конской груди (Орел В.Э. «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. с.129).
- ¹³ Про «времены» как предметы вращения, метательные диски или мячи см.: Мурьянов М.Ф. «Слово о полку Игореве» в контексте европейского Средневековья // *Paleoslavica*. Cambridge (Massachusetts), 1996. Vol. 4. P. 120, 123, 127. Есть еще реконструкции: «камены» и «пламены» (там же. С. 106), но и эти исправления в тех же смысловых пределах.
- ¹⁴ Ср. весовое описание амуниции Голиафа в «Хронике» Георгия Амартола: «шлемъ медянь на главе его, и въброня, в ня же ся облачаше, имущи сикль 5000 меди и железа, и ножнице медяны на ногу его... копые 600 сикль железа, и щить медянь...» (С. 125). Одна лишь броня весила 50—60 кг, а наконечник копья — 6 или 7 кг.
- ¹⁵ О значении слова «треснути» см.: Перетц В. Указ. соч. С. 280; Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 107, 134.
- ¹⁶ Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 112.

- ¹⁷ О фольклорности первых книг «Истории», о метонимичности изложения Иосифа Флавия, о творчестве древнерусского переводчика см.: Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 39—40, 84—86, 82 и др.
- ¹⁸ Там же. С. 216, 221, 239, 258, 277, 295, 300, 315.
- ¹⁹ Там же. С. 376.
- ²⁰ Там же. С. 402.
- ²¹ Там же. С. 258.
- ²² Там же. С. 104-105.
- ²³ Ср.: Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 98 (работа 1938 г.); Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 241, 255, 267, 302, 308.

522-е заседание. 4 апреля 2001 г.

Н. П. Гордеев

Риторика обличителей и почитателей Дмитрия Самозванца

Как пишет Ю.В. Рождественский, «история риторики есть история стилей жизни». Новая риторика, очевидно, отражает новые взгляды, идеи и веяния — в противоположность старой. Речь идет об умении излагать («изобретать») мысли соответственно цели и обстоятельствам. Очевидно, риторике любой эпохи следует изучать как ее культуру и историю. Начало XVII в. занимает особое место в истории России: реформы Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца, усиление феодального гнета, стихийные бедствия (жестokie неурожаи и массовый голод), крестьянская война и Смута — недостаточно исследованные историками — явились преддверием Тридцатилетней войны и оставили неизгладимые следы в русской истории и культуре.

При изучении риторики периода Смуты нельзя забывать, что воцарение Дмитрия Самозванца означало новую оттепель, либерализацию, подъем экономики, улучшение жизни всего населения и европеизацию страны, а гибель царя-реформатора всколыхнула все русское общество снизу доверху и привела к его расколу.

Чтобы подавить народное сопротивление и жажду реформ, реакционно настроенным верхам и официальной церкви пришлось, в частности, повести массивную пропаганду. Агитационные сочинения (например, послания патриарха) зачитывались в церкви. Действовала жесткая цензура, порождавшая самоцензуру. Так, предполагается, что повесть «Како отомсти...», датируемая 1606 г., была написана на основе послания патриарха. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612) читался 22 октября в московской церкви Введения Богородицы на Сретенке.

А.С. Аверинцев традиционно определяет риторику как «искусство хвалы и хулы». Однако «хвала» и «хула» — слова родственные и, видимо, равнозначные (например, в устах льстецов Эмпедокл, которого